

когда подвергаются сомнению самая права его на трон и когда в стороне его партия, горю стоящая за его младшего брата, который, по его мнению, как сын принцессы, имеет больше прав на трон, чем Хабсбург, сын рабыни. Прочто установившихся законов и объявив престолонаследия в Афганистан не существует.

Из Леманса 7 (20) августа сообщают о весьма своеобразном протесте мѣстных крестьян против закона о конгрегации.

«Крестьяне ворвались в замок Детуреля де Константа, обыскали все шкапы и связали веревками прислугу, заявив, что хотят проучить депутата, подавшего голос за закон о конгрегациях».

Та форма протеста, к которой прибегли леманские крестьяне, конечно, составляет грубое насилие, но она показывает, к чему ведет фикция, в силу которой депутаты должны быть почитаемы представителями избирателей, посланных его в палату. Очевидно, что в данном случае между депутатами и избирателями была цѣлая пропасть. Депутаты и крестьяне, выдвинувшие его по недоразумению, говорят на разных языках, имеют диаметрально противоположные вѣроваия и смотрят на политические вопросы с диаметрально противоположных точек зрѣнія. Этимъ только и можно объяснить желание *проучить* Детуреля де-Констана за то, что онъ голосовалъ въ пользу закона о конгрегацияхъ.

Много всевозможныхъ законовъ было утверждено и издано Третьею республикою, но ни одинъ изъ нихъ не вызвалъ такихъ краснорѣчивыхъ и своеобразныхъ протестовъ, какъ законъ о конгрегацияхъ.

Нѣкоторые генеральные штаты высказались за этотъ законъ, нѣкоторые (меньшинство) противъ. Г. Люб выражалъ желание, чтобы всѣ генеральные штаты дали свое заключение. По всей вѣроятности, онъ надеется на нравственную поддержку генеральныхъ штатовъ и хочет подкрѣпить ея авторитетъ національнаго собрания и исполнительной власти. Въ какомъ бы духѣ, однако, ни высказались генеральные штаты, значение такого эпизода, какъ леманский, ничѣмъ не можетъ быть ступеновано. Этотъ эпизодъ доказываетъ, что французскіе крестьяне сроднились съ конгрегационными школами и дорожатъ ими.

Надняхъ мы говорили о франко-сіамскомъ конфликѣ, причемъ выразили предположеніе, что онъ уладится, благодаря франко-русскому союзу. Такъ, дѣйствительно, и было. Газета „Daily Mail“ получила изъ Парижа слѣдующую телеграмму:

«Конфликтъ между Франціей и Сіамомъ мирно улаженъ, благодаря посредничеству Россіи. Сіамъ долженъ будетъ согласиться на значительныя территориальныя концессіи».

Благодаря Россіи, Франція сблизилась съ Италіей. Благодаря же Россіи, англофранцузскія интриги Англии въ Сіамѣ обратились въ ничто.

Англія оказала перидомскому шаху не только радушій и гостеприимный, но и изъ ряду вонъ выходящій пріемъ. Англійское правительство, очевидно, хотѣло поразить воображеніе шаха блестящимъ и пышностью встрѣчи. Такъ Англія всегда поступала съ государями мусульманскаго Востока, она привыкла дѣйствовать на ихъ воображеніе и такимъ путемъ располагать ихъ въ свою пользу и въ пользу своихъ плановъ. Планы Англии относительно Персіи и для кого не составляютъ тайны. Англія простираетъ свои виды не только на Персидскій заливъ съ его берегами, Владычество въ которомъ считается ею необходимымъ для Индіи, но и на всю южную часть Персіи. Англійская печать уже давно предлагаетъ Россіи приступить къ раздѣлу Персіи, съ тѣмъ, чтобы въ Россіи были присоединены сѣверная область, а къ Британской имперіи южная провинція шаха.

Самый лучший подарокъ преподнеси ему его оба премьера. При послѣднемъ ихъ свиданіи въ Ратотъ они, какъ увѣряютъ нѣкоторые выдающіеся политики, пришли къ полному соглашенію. Всѣ спорные пункты устранены, и весь сложный комплектъ вопросовъ миролюбиво

ПИСЬМА ИЗЪ ВѢНЫ.

(Отъ нашего корреспондента).

День рожденія Франца-Иосифа. — Три смерти.

Сегодня—день рожденія Франца-Иосифа. Престарѣлому монарху исполнилось сегодня 72 года. Пятьдесятъ четыре года тому назадъ, будучи восемнадцатилѣтнимъ эрцгерцогомъ, Францъ-Иосифъ, полный упований, вступилъ на колебавшійся тогда австрійскій престолъ. Много за это долготѣлствіе потрудился монархъ, и его можетъ удовлетворять мысль, что онъ пользуется безграничною любовью всѣхъ безъ исключенія подданныхъ. Нѣмцы и чехи, поляки и русины, венгерцы и румыны,—всѣ они одинаково любятъ монарха, относящагося съ одинаковою любовью ко всѣмъ народамъ. Францъ-Иосифъ изъясняется почти со всеми своими народами на ихъ языкахъ, которые онъ постепенно изучилъ въ течение своей жизни. Много разъ Австрія, колебалась, но ее постоянно сдерживала личность монарха. Правда, къ печальнымъ выводамъ онъ долженъ притти, если подведетъ итоги своего правленія.

Дуализму угрожаетъ каждую минуту опасность; большинство народовъ недовольно системой централизма и стремится къ федерализации странъ; ни одному изъ нихъ не дороги государственныя устои, которые они готовы расшатать ради національныхъ привилегій. И невольно Францъ-Иосифъ долженъ задать себѣ вопросъ: а что ожидаетъ Австро-Венгрію послѣ его смерти? Что тогда будетъ служить соединяющимъ звеномъ для всѣхъ народовъ, когда не станетъ популярной личности монарха? Въ семейной жизни Францъ-Иосифъ также мало имѣлъ счастья. Его единственный сынъ, кронпринцъ Рудольфъ, подававшій большія надежды, насильственно превратилъ свой жизненный путь въ путь трагедіи. И теперь предъ монархомъ находится стостомое сочиненіе „Австро-Венгрія въ словахъ и картинахъ“, начатое по инициативѣ и подъ редакціей Рудольфа. По слѣдствію томъ этого длиннаго и грандіознаго сочиненія была издана лишь въ этомъ году... Его жена Елизавета,—эта великая страдалица на тронѣ, искавшая забвенія среди величія природы, идеальная женщина и глубокой мыслитель, умерла ужасной смертью отъ руки злодѣя...

Его внуки вступили въ неравный бракъ: одна вышла замужъ за барона Зеффрида, другая за князя Виндигреша. Вдовствующая Стефанія вышла замужъ за графа Лоньяя, а наследникъ престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ Д'Эсте, женился на графинѣ Софьѣ Хотекъ. И никому одной, старый монархъ не ставилъ препятствій; онъ всѣмъ любовно давалъ разрѣшеніе, сознавая на склоне своей жизни, что семейное счастье—это единственный якорь въ жизни правителя, и что члены императорскаго дома имѣютъ не только обязанности, но и права,—право на семейное счастье...

Сегодня вся Австрія празднуетъ день рожденія Франца-Иосифа. Въ Вѣнѣ свыше ста тысячъ человекъ соберется въ Прагере, гдѣ будутъ играть тридцать оркестровъ. Ночью зажгутся тысячи лампозовъ, которые представятъ собой морскую свѣту. Дѣти будутъ восторженно кричать „Hoch!“ Мнѣ кажется, что нигдѣ дѣти не воспитываются въ такой любви къ монарху, какъ въ Вѣнѣ; они съ какимъ-то наивно-дѣтскимъ благоговѣніемъ говорятъ о Францѣ-Иосифѣ. Не съ меньшимъ энтузіазмомъ празднуютъ этотъ день и въ провинціи, въ особенности въ курортахъ и на дачкахъ, которыми такъ богата Австрія. Вся верхняя Австрія усѣяна озерами, живописно расположенными среди горъ. Здѣсь ночью цѣлая флотилія выѣзжаетъ на средину озера, гдѣ зажигается фейерверкъ. Всѣ лодки унизаны цѣпными фонариками, всюду великолѣпные женскіе туалеты; отовсюду раздается пѣніе... Это какъ бы сонъ въ лѣтнюю ночь, и Kaiserfestъ считается послѣдними лѣтними праздниками.

И въ это время, какъ всюду веселая толпа ликуетъ и развлекается, старый монархъ находится въ Ишль, въ тиши своего кабинета, и предъ нимъ протекаетъ его жизнь, полная заботъ, огорченій и разочарованій...

Въ это время, какъ всюду веселая толпа ликуетъ и развлекается, старый монархъ находится въ Ишль, въ тиши своего кабинета, и предъ нимъ протекаетъ его жизнь, полная заботъ, огорченій и разочарованій...

НАПОЛЕОНЪ КАПА*.

(ФАНТАЗІЯ).

Однажды утромъ Сесиль чувствовала себя гораздо лучше и попросила Джемсона прочесть ему послѣднія газеты.

Все, что волновало въ то время общественное мнѣніе въ Европѣ, все отразила въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, англійская печать. Тутъ яркія проявленія джингоизма и ликованія по поводу минимакъ побѣды англичанъ смѣнялись паникой и негодованіемъ по адресу министерства, когда съ театра военныхъ дѣйствій приходили извѣстія объ ужасныхъ боювахъ. Телеграммы со всѣхъ концовъ міра сообщали о сочувственныхъ манифестахъ по адресу боювахъ, о борьбѣ пожертвованій въ пользу ихъ семействъ, томившихся въ концентраціонныхъ лагеряхъ. Сесиль съ негодованіемъ перебила, наконецъ, Джемсона:

— Оставь, довольно! Какой, въ сущности, вѣздоръ! Французы говорятъ: „Rira bien, qui riga le dernier“. Я всегда думаю о будущемъ, и только въ будущемъ полный пойму и оцѣню тебя, какъ должное. Я не поддаю подъ обую мѣрку, и не этимъ младенцамъ судить меня и мое дѣло. Концентраціонныя лагеря! Ты знаешь, Джемсонъ, что когда лѣтъ рубящихъ, щепки летятъ. Имъ давно пора смириться и уступить. Волю же имъ продолжать безпозелую борьбу. Англія не отступаетъ! Мы задавимъ этихъ чумковъ, и не останемся ни пердѣ чѣмъ. Всѣ эти народы, возмущающіеся теперь нашей войной, примирятся съ неизбежностью и, посмотрѣвъ, будутъ намъ же рукоплескать и удивляться... Все—вздоръ! Вольно откинулся на спинку кресла и замолчалъ, утомленный длинной рѣчью. Въ умѣ его проносились обрывки извѣстій, прочитанныхъ Джемсономъ, и онъ съ неудовольствіемъ покачивалъ головой, вспоминая нѣкоторыя изъ нихъ.

— Кто эта миссъ Гобгоуэзъ?—думалъ онъ. До сихъ поръ о ней не было ничего слышно. И что привело ее въ эти лагеря? А сейчасъ видно англійскую кровь: настойчива, смѣла... а какъ правдива... Что она правдива—въ этомъ я не сомнѣваюсь. Мнѣ хорошо извѣстно, на что способенъ Китченеръ... Воображаю, что тамъ творится!.. И какъ это не смѣли заставить ее молчать!..

Вольно началъ дремать. Джемсонъ читаетъ, стараясь не шумѣть газетными листами.

Жгуче африканское солнце палитъ безпощадно. Укая каменная ложбина, окаймленная обожженными холмами, дышитъ зноемъ. Ряды палатокъ сгущились въ одномъ концѣ ея, какъ стадо испуганныхъ птицъ. Сходство дополняется тѣмъ, что кое гдѣ края палатокъ, непривязанные къ кольямъ, приподнимаются отъ вѣтра и хлопаютъ, какъ птичьи крылья. Полотно палатокъ посѣрѣло отъ дождей и росы.

Лагерь окруженъ изгородью изъ колочей проволоки. Вдоль ограды мѣрно прохаживаются англійскіе часовые въ оригинальныхъ пробковыхъ каскахъ.

разрѣшенъ. За день до празднованія дня рожденія оба премьера были приняты императоромъ въ продолжительной аудіенціи и приглашены къ его столу. Безъ всякаго сомнѣнія, Керберъ долженъ былъ уступить въ вопросѣ о таможенномъ тарифѣ или въ вопросѣ о ветеринарномъ законопроектѣ. И теперь весь комплектъ австро-венгерскаго соглашения поступить на размѣрѣніе обоимъ парламентамъ. Законъ долженъ быть принятъ до 1-го января, иначе придется расторгнуть всѣ торговые договоры и, конечно, все зависить отъ того, какъ отнесется къ законопроекту вѣнскій парламентъ. Въ Германіи коммисія по разбору таможеннаго тарифа посвятила этому дѣлу сто засѣданій, и если бы вѣнскій парламентъ хотѣлъ работать съ той той же добросовѣстностью, онъ долженъ былъ бы посвятить вопросу о соглашеніи полгода! Но Керберъ ждетъ, что парламентъ будетъ снисходительнымъ и—прогонитъ сквозъ строй всѣ вопросы... Конечно, не даромъ. Въ Австріи ни одна партія ничего даромъ не дѣлаетъ. Какъ только на сцену является сложный вопросъ, всѣ партіи начинаютъ съ правительствомъ торговаться. И Керберу снова придется давать и давать!..

Вѣнскій лѣтописецъ можетъ отмѣтить три смерти выдающихся лицъ, изъ которыхъ каждый на своемъ поприщѣ принеся много вреда. Умеръ газетчикъ *Морицъ Чепсъ* (Сперс), одна изъ популярнѣйшихъ и прѣзрѣннѣйшихъ личностей въ Вѣнѣ. Въ началѣ шестидесятихъ годовъ онъ прибылъ въ Вѣну изъ Галиціи, будучи двадцатичетырехлѣтнимъ юношей. Смысленный, расторопный, нахватавшійся различными знаніями, онъ началъ работать въ различныхъ газетахъ. Черезъ два года онъ приобрѣлъ у правительства дешую газетку „Tablatti“, переименовалъ ее въ „Neuer Wiener Tablatti“, и съ группой молодыхъ, способныхъ журналистовъ онъ такъ быстро поднялъ газету, что она получила сильное вліяніе среди тогдашней поевдо-либеральной австрійской буржуазии. Чепсъ понялъ, что надо пользоваться политической ситуацией: онъ интриговалъ, дѣлалъ ложныя обличенія и довелъ до того, что министры заискивали его расположеніе! Онъ разивалъ въ народѣ страсть къ сенсациямъ, онъ ввелъ безцѣльный, глупый стиль, онъ лишилъ газету идейности! Въ заголовкѣ находилась надпись: „демократическій органъ“; въ передовицахъ онъ говорилъ объ этикѣ, гуманности, равенствѣ. Но если дѣлались попытки хотя бы нѣсколько сократить права буржуазно-капиталистической клики, Чепсъ металъ громы и молніи. Такой либеральная пресса Австріи осталась до нашихъ дней. Это—последовали манчестерской системы, которые защищаютъ капиталистовъ, преклоняются предъ ними въ ожиданіи подаянъ, произносятъ громкія слова о свободѣ, о человѣческихъ правахъ, если—это никого не грѣшитъ и не холодитъ, но при малѣйшей попыткѣ со стороны другихъ примѣнить въ жизни ихъ идеи, они становятся на дыбы. Они съ удовольствіемъ говорятъ о свободѣ школы,—съ клерикалами они очень любятъ бороться, но они никогда не рѣшались выступить противъ шляхты, эксплоатирующей крестьянъ, противъ горнозаводчиковъ, эксплоатирующихъ рабочихъ, противъ биржи, финансистовъ и пр. Эти либералы-рабы капитала, и они вліяютъ своей голословной, поверхностной пресой лишь деморализующимъ образомъ на общество... Такимъ былъ и Чепсъ. Правда, онъ былъ способнымъ газетчикомъ, талантливымъ организаторомъ, но у него не было никакихъ идей, а, главное, никакихъ *нравственныхъ устоевъ*, безъ чего журналистъ приноситъ много вреда. Правда, онъ первый опубликовалъ извѣстіе о сраженіи при Седанѣ, но послѣ заятія Сараевъ онъ помѣстилъ въ своей газетѣ телеграмму на двухъ страницахъ, въ которой *не было ни слова правды!*.. Но газета его пользовалась такой распространенностью, что она продала ее одной акціонерной компаніи за полтора милліона гульденовъ, оставаясь въ роли редактора и получая болѣе, чѣмъ министерскій окладъ. Но съ новыми хозяевами онъ не могъ ужиться, и онъ ушелъ и основалъ новую газету „Wiener Tablatti“, которая уже не имѣла никакого успѣха. Это—презрѣннѣйшая газетка, отъ которой тошно слышать слова о правдѣ, Слетитъ, сенсационная разоблаченія, политическая ложь, правда и неправда изъ интимной жизни политическихъ дѣятелей

и интимной жизни политическихъ дѣятелей

* Окончаніе. См. „Юж. Кра.“ № 7463.

